

Строптивный романтик

Автор:

[Кейтлин Крюс](#)

Строптивный романтик

Кейтлин Крюс

Любовный роман – Harlequin #833

Элеонора самоотверженно заботилась о сестре, жестоко пострадавшей в аварии. Желание дать Виви все, к чему она привыкла, заставляло Элеонору трудиться, не щадя своих сил. Именно поэтому она согласилась занять место гувернантки при подопечной несметно богатого герцога Хьюго Гровсмюра. Ее не остановило даже то, что в обществе о герцоге сложилось мнение, как о бессердечном и абсолютно аморальном субъекте – ведь за работу Элеонора получит кругленькую сумму. Но, оказавшись в уединенном поместье Гровс-Хаус, Элеонора вскоре понимает, что попала в западню: герцог не только холоден, эгоистичен и себялюбив, он еще невероятно хорош собой и очень обаятелен...

Кейтлин Крюс

Строптивный романтик

* * *

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Undone by the Billionaire Duke

©2017 by Caitlin Crews

«Строптивный романтик»

© «Центрполиграф», 2018

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

Глава 1

Элеонора Эндрюс была совершенно уверена: она устоит перед обаянием Хьюго Гровсмур независимо от того, что раньше никому не удавалось этого сделать. В газетах о нем ежедневно появлялись сенсационные статьи. Двенадцатый герцог Гровсмур был ужасно богат и самоуверен, а что хуже того, греховно красив и очень избалован.

– Не драматизируй, – с театральным вздохом сказала младшая сестра Элеоноры Виви, и ее длинные черные кудряшки подпрыгнули, когда она беззаботно потрянула головой.

А ведь Элеонора просто едва намекнула на беспокойство по поводу своей новой роли гувернантки семилетнего ребенка, оставленного на попечение Хьюго.

Хотя Виви частенько бывала невыносимой, Элеонора не могла не любить ее. Сестра была ее единственной родственницей после того, как их родители несколько лет назад погибли в автомобильной катастрофе. Кстати, в тот день Виви была с ними и тоже чуть не погибла.

– Вообще-то я не драматизирую, – ответила Элеонора. Она не стала уточнять, что разыгрывание драм – удел самой Виви.

Виви разговаривала с Элеонорой, глядя на нее в зеркало в спальне маленькой однокомнатной квартиры, которую они снимали вместе в одном из наименее модных кварталов Лондона. В квартире была всего одна спальня, в которой помещалась только кровать и книжный шкаф; к комнате примыкала скромная кухонька. Виви накладывала третий слой туши на ресницы, чтобы сильнее подчеркнуть красоту своих глаз; один парень назвал их цвет теплым, ярким и золотистым.

Виви опустила кисточку для туши и демонстративно закатила глаза.

– Совсем не обязательно, что ты вообще увидишься с Хьюго, – произнесла она. – Ты будешь гувернанткой его подопечной, которая, давай посмотрим правде в глаза, ему не очень нравится. И неудивительно, учитывая всю эту грязную историю. Зачем ему общаться с тобой?

Пренебрежительный взмах руки Виви словно разогнал непристойные подробности, известные о Хьюго Гровсмуре благодаря публикациям в таблоидах.

Элеонора, как и все умеющие читать, знала три основных момента его биографии. Первый: его драматические отношения и расставание со всеобщей любимицей Изабель Вандерхафен; все были уверены в том, что Хьюго погубил ее своей шокирующей нечестивостью, которую не смогла исправить даже природная доброта Изабель. Второй: Изабель оставила Хьюго, когда забеременела от его лучшего друга, Торкиля; все согласились, что любовь окончательно одержала победу над злом и Изабель заслуживает лучшего. Третий: знаменитый брак Изабель и последующий трагический инцидент на лодке с упомянутым бывшим лучшим другом Хьюго; все это привело к тому, что знаменитый Хьюго стал законным опекуном ребенка, чье появление на свет навсегда разрушило его шансы на счастливое будущее с прекрасной Изабель.

И пока все это происходило, публика насмехалась, аплодировала и плакала, словно знала всех этих людей лично.

– У такого богача, как Хьюго, наверняка куча недвижимости. Нельзя ожидать, что он посетит даже половину своих домов в течение года. Или даже пяти лет, – беззаботно сказала Виви, и Элеонора напомнила себе – ее сестра знает, что говорит.

В конце концов, именно Виви проводит время с людьми из круга Хьюго Гровсмур. Она ходила в шикарные школы, и хотя она училась не слишком хорошо, зато посещала все известные вечеринки Лондона. Сестры были уверены, что однажды Виви очень удачно выйдет замуж.

Виви была моложе Элеоноры на восемнадцать месяцев. Обе сестры были красотками. Виви обладала очень стройным телом, загадочными глазами и пухлыми губами, при виде которых мужчины поголовно глупели. В прямом смысле этого слова. Ее густые кудри наталкивали на мысль о том, будто она только что выбралась из чьей-то кровати. Ее хитрая усмешка намекала на то, что Виви готова к любым приключениям и достанется тому, кто сумеет ее очаровать.

А ведь после аварии врачи сомневались, что она снова будет ходить!

Элеонора редко бывала на вечеринках, потому что постоянно работала. Если козырем Виви была ее красивая внешность, то Элеонора отличалась разумностью. И хотя двадцатисемилетняя Элеонора изредка украдкой мечтала о том, чтобы быть такой же обаятельной, как ее сестра, на самом деле она уже смирилась со своей ролью в жизни. Сестры потеряли своих родителей, и Элеонора не могла их вернуть. Также она не могла забыть многие годы лечения и операций, которые пережила Виви. Но она могла взять на себя роль матери Виви. Поэтому Элеонора работала и оплачивала их счета.

Вернее, счета Виви. Потому что только она покупала себе роскошную дорогую одежду, чтобы развлекаться на вечеринках с подружками и кавалерами.

Работа гувернанткой у самого ненавистного человека в Англии принесет Элеоноре максимальную прибыль. Именно поэтому она уволилась из архитектурной фирмы, где работала менеджером. О том, что Гровсмур требуется гувернантка, узнала Виви. Информация пришла от ее богатеньких друзей, потому что такие люди, как герцог, уж точно не расклеивали объявления в местных пабах о вакансиях. Гровсмур был готов заплатить гувернантке кругленькую сумму.

– Ходят слухи, что он уволил всех бывших гувернанток менее чем через неделю работы. По-видимому, они были слишком красивыми...

Виви пожала плечами, но Элеонора не поверила, что ее сестра сожалеет. Маленькая грудь Виви безупречной формы слегка подпрыгнула под очень тонкой тканью короткого шелкового платья, в которое она нарядилась для вечеринки.

– Но ты идеально ему подойдешь! – заявила Виви.

Кадровое агентство, очевидно, было одного мнения с ней, поэтому вскоре Элеонора уже паковала вещи для поездки в дебри йоркширских болот, где находилось самое величественное поместье Англии. Гровс-Хаус уже много веков располагался на обширной территории мрачных болот.

– Гувернантка – второстепенный член домашнего персонала, Элеонора, – продолжала Виви. – Не гость. Очень маловероятно, что ты вообще встретишься с Хьюго Гровсмуром.

Элеонора с радостью бы на это согласилась. У нее не было звездной болезни или обостренного самолюбия. Она твердила себе об этом следующим утром, сидя в скоростном поезде, направлявшемся в Йоркшир.

Она не бывала на севере Англии с детства, когда еще были живы их родители. У Элеоноры остались смутные воспоминания о стенах, окружающих древний город Йорк, укрытый холодным туманом. Тогда она еще не знала, как быстро все изменится.

Но теперь бессмысленно раскисать. Она одернула себя, ожидая на октябрьском холоде электричку на железнодорожной станции Йорка. Жизнь продолжается.

Прибыв на крохотную железнодорожную станцию в отдаленной деревне Гровсмур, Элеонора ожидала, что ее встретят, как и планировалось. Но платформа оказалась пуста. На ней была только Элеонора, буйный октябрьский ветер и остатки утреннего тумана. Не совсем обнадеживающее начало.

Элеонора мрачно посмотрела на чемодан, в который она упаковала то, что, по ее мнению, понадобится ей в первые шесть недель в Гровс-Хаус. Этого ей было достаточно. А вот Виви путешествовала с кучей чемоданов, и у нее был полный шкаф одежды. У Элеоноры таких проблем не было. Через пару секунд она загрузила карту на своем мобильном телефоне и выяснила, что до поместья

Гровс-Хаус двадцать – тридцать минут пешком.

– Вперед, дорогуша, – пробормотала она себе под нос.

Элеонора повесила тяжелую сумку на плечо, взялась за ручку чемодана на колесиках и уверенно зашагала вперед.

Через некоторое время она поняла, что должна идти в противоположном направлении.

Повернув в правильном направлении, Элеонора зашагала по одинокой проселочной дороге сквозь туман и мрак. Она так долго жила в суматошном Лондоне, что почти забыла об особой деревенской тишине.

В конце концов она увидела на далеком холме Гровс-Хаус. Он выглядел величественным и массивным. При виде его у нее почему-то подступил к горлу ком. Вероятно, ее растрогали теплые огни его окон, мерцающие в этой мрачной полутьме.

Элеонора обнаружила, что не может отвести от здания взгляд.

Дом не выглядел гостеприимным. Честно говоря, он вообще не выглядел как дом. Здание казалось слишком большим и мрачным. И все же он, выделявшийся на фоне осеннего пейзажа, будто разрывающий темноту, показался Элеоноре привлекательным.

Она не знала, почему с трудом переводила дыхание, когда снова зашагала по склону со своим багажом.

И тут Элеонора услышала стук конских копыт.

Его светлость герцог Гровсмур, известный своим немногочисленным друзьям под именем Хьюго, обнаружил, что в последнее время совсем не радуется жизни. От выпивки у него трещала голова. Экстремальные виды спорта уже не дарили острые ощущения теперь, когда его смерть могла положить конец родовой линии Гровсмуров и его герцогство перешло бы алчным дальним

родственникам.

Даже беспорядочный секс утратил для него свое очарование. Каждая его так называемая «неосмотрительность» описывалась в прессе до того, как остывали его простыни после страстной ночи. Злой и бездушный Хьюго был излюбленным персонажем светской хроники. Истории о нем всегда были одинаковыми и чертовски скучными.

Сегодня он ехал верхом на своем лучшем жеребце. Так ему, по крайней мере, сказали на конюшне. Между ним и конем сразу возникла неприязнь, поэтому Хьюго не ехал, а скакал по болотам как сумасшедший, словно герой глупого романа восемнадцатого века.

Ему не хватало только развевающегося у него за спиной плаща.

Но независимо от того, как далеко он отъезжал от дома, на душе у него все равно было беспокойно.

Хитрый жеребец явно это чувствовал. Вот уже несколько недель он отказывался ему подчиняться, поэтому Хьюго приходилось объезжать его, катаясь по всему поместью в Йоркшире.

Поэтому, когда Хьюго увидел фигуру, направляющуюся в сторону Гровс-Хаус, он почти обрадовался тому, что пейзаж впереди изменился.

Он очень хотел, чтобы в его жизни изменилось хоть что-нибудь, но у него не было такого шанса.

Хьюго был двенадцатым герцогом Гровсмуром, нравилось ему это или нет, и титул был для него важен. Если бы его отец не обанкротил свои поместья и не лишился титула или не умер бы из-за переживаний о собственном сыне, Хьюго стал бы обычным герцогом в бесконечной веренице герцогов с такой же фамилией. Отец всегда утверждал, что титул приносит ему утешение. И покой.

Хьюго не находил в титуле ни утешения, ни покоя.

– Если вы вор, то зря сюда притащились, – сказал он, приблизившись к незнакомцу. – Хотя вы все-таки должны попытаться счастья, конечно. Но тогда вы зря расхаживаете по дороге, даже не пытаетесь скрыться.

Он придержал коня и увидел, что вор – женщина.

Необычная женщина.

Хьюго славился своими многочисленными любовными связями. Проклятая Изабель стала, конечно, позором всей его жизни. Впрочем, как и все остальные его любовницы. До Изабель и после нее. Но они были одинаковы в одном: все они считались красотками и всегда были рядом с ним под объективами фотографов. У них были силиконовые груди, отбеленные зубы, нарощенные волосы, длинные покрашенные ногти, яркая помада и накладные ресницы. Вот уже много лет он не видел женщину в ее естественном виде, если только она не работала на него. Например, его маленькая старая экономка, миссис Реддинг. Она переживала всякий раз, когда о Хьюго писали в таблоидах.

Так же, как когда-то писали о его отце.

Женщина, которая с изумлением смотрела на него сейчас снизу вверх, выглядела растерянной. Ее темные волосы были затянуты в тугий пучок, при виде которого у Хьюго заныла голова. Ему было трудно понять, что она за человек. Даже ее челка была подрезана с военной точностью. На ней была громоздкая, пухлая куртка, которая закрывала ее от подбородка до середины икр; в ней она выглядела как один из старых, корявых дубов, растущих в его поместье. Незнакомка мертвой хваткой вцепилась в большую черную сумку, висящую у нее на плече, и чемодан на колесиках. Ее щеки покраснели от холода; у нее был тонкий прямой нос, которому позавидовали бы многие предки Хьюго. Дело в том, что у него в роду все обладали так называемым «гровсмурским клювом», и это очень огорчало женщин Гровсмур.

Но сильнее всего его поразило выражение лица незнакомки.

Она смотрела на него почти неприязненно.

А это в принципе невозможно, потому что он – Хьюго Гровсмур, и женщины, как правило, хотят с ним познакомиться и все время ему улыбаются.

Эта женщина выглядела так, будто она скорее умрет, чем одарит его хотя бы мимолетной улыбкой.

– Я не вор, а гувернантка, – резко произнесла она. – Если бы меня встретили на железнодорожном вокзале, мне не пришлось бы полчаса идти пешком в гору.

Хьюго услышал в ее тоне раздражение.

Он нашел это восхитительным. На него никто никогда не сердился. Его ненавидели и называли сатаной, но никогда на него не сердились.

– По-моему, я должен вам представиться, раз уж вы рыскаете по моему поместью, – бодро сказал он, когда чертов жеребец весело затанцевал под ним.

Женщина, похоже, не догадывалась об опасности, потому что стояла слишком близко к тяжелым копытам породистого коня. Или, скорее, ей было все равно, поскольку она пыталась выдержать взгляд Хьюго.

– Я не рыскаю, – решительно ответила она.

– Меня зовут Хьюго Гровсмур, – сказал он ей. – Не надо реверансов. В конце концов, я всемирно известный злодей.

– Я не собиралась делать реверанс.

– Я предпочитаю называть себя антигероем. И я, несомненно, заслуживаю поклона. Или небольшого кивка?

– Меня зовут Элеонора Эндрюс, и я последняя в длинной веренице гувернанток, как мне сказали, – произнесла женщина из глубины своей чудовищной стеганой куртки. – Я намерена работать у вас, а для этого я должна держать с вами дистанцию.

Хьюго привык к подобным заявлениям от женщин. «Вы ужасный человек», – говорили они. «Мне надо держать с вами дистанцию», – говорили они. Обычно это заканчивалось долгими ночными прогулками наедине.

Но, как ни странно, Хьюго сразу понял, что эта женщина, в отвратительном пуховике, с выпяченной челюстью и хмурым лицом, на самом деле не шутит.

- Ваша светлость, - пробормотал он.

- Прошу прощения?

- Вы должны называть меня ваша светлость, особенно когда о чем-то мне сообщаете. В противном случае будет считаться, что вы проявляете ко мне подчеркнутое неуважение.

Если Элеонора Эндрюс и устыдилась того, что не обратилась к высокопоставленной особе и своему новому боссу как полагается, то и бровью не повела. Казалось, она лишь глубже зарылась в свой широкий стеганый пуховик, откуда продолжала хмуро смотреть на Хьюго.

- Тысяча извинений, ваша светлость, - резко сказала она, словно несколько его не испугалась. - Я ожидала поездки с железнодорожного вокзала, а не прогулки по прохладной сельской местности.

- Физические упражнения тренируют ум и тело, как мне говорили, - бодро ответил Хьюго. - Я сам благословлен высоким метаболизмом и острым интеллектом, поэтому мне никогда не приходилось унывать. Но не всем так везет.

Ее глаза замечательного медового оттенка яростно сверкнули. Он не понимал, почему это так его шокировало. Должно же быть в этой женщине что-нибудь мягкое и доброе?

- Вы полагаете, что мне не так повезло, как вам? - спросила она с едва сдерживаемой яростью, которую Хьюго ожидал услышать разве что от женщины, которую бы назвал жирной.

- Если только вы считаете, что легендарная жизнь избалованного герцога - результат удачи и обстоятельств. А не судьба.

- По-вашему, это так? - спросила она.

Хьюго чуть не улыбнулся. Он не мог сказать почему. Его интриговали ее сверкающие глаза и сердито поджатые губы.

– В любом случае, я ценю, что вы заботитесь о моем благополучии, – произнесла она удивительно спокойно и добавила: – Ваша светлость.

Хьюго ухмыльнулся, глядя на нее сверху вниз, надеясь, что он не выглядит сильно рассерженным.

– Честно говоря, я не знал, что прошлая гувернантка ушла, хотя меня это не удивляет. Она была слишком... чувствительной, я полагаю. Она постоянно рыдала в восточном крыле дома, как мне сказали. Понимаете, у меня аллергия на женские слезы. Но я развил хорошую интуицию. Когда рядом со мной плачет женщина, я мгновенно телепортируюсь на другую сторону планеты.

Элеонора внимательно взглянула на него.

– Я не плакса, – сказала она.

Хьюго ждал.

– Ваша светлость, – прибавил он, потому что она явно не собиралась этого говорить. – Я бы не стал настаивать на такой формальности, но, похоже, вас это раздражает, не так ли? Вы ведете себя как республиканец. Кстати, Элеонора, вы не можете рассчитывать на успех в воспитании молодого поколения, если сами не готовы просто любезно ко мне обращаться. Как будто вы никогда не встречались с герцогом.

Она моргнула:

– Я с ним и не встречалась.

– Я не очень хороший представитель своей династии. Как я уже говорил, я слишком скандален. Возможно, вы слышали обо мне. – Хьюго рассмеялся, увидев, что она приложила немало усилий, чтобы не скривиться. – Я вижу, вы обо мне слышали. Несомненно, вы горячая поклонница таблоидов и их ежедневных отрывков о моих многочисленных грехах. Остается только

надеяться, что я хотя бы наполовину оправдываю их ожидания.

– Мисс Эндрюс, – произнесла она.

Хьюго удивленно моргнул.

– Что?

– Я предпочитаю, чтобы вы называли меня мисс Эндрюс. – Она едва заметно кивнула. – Ваша светлость.

Внезапно Хьюго понял, что вот-вот потеряет самообладание.

– Позвольте мне кое-что прояснить с самого начала, мисс Эндрюс, – сказал он, пока конь под ним продолжал артачиться. – Я не просто отвратителен, как обо мне говорят. Я намного хуже. Я разрушаю жизни одним щелчком своих пальцев. На моем счету столько жертв, что удивительно, как эта страна все еще существует. Если вас что-то не устраивает, миссис Редцинг с радостью найдет вам замену. Вам надо просто сказать об этом.

Если его слова и повлияли на взбесившую его женщину, то она спрятала свою реакцию за воротом пуховика.

– Я уже говорила, что намерена у вас работать.

Непонятно почему, но ему явно не понравилась ее преувеличенная терпеливость.

– Однако, если вы хотите меня заменить, то это, конечно, полностью зависит от вас.

– Конечно. – Он выгнул бровь. – Я ненавижу воров.

Она оглядела его так, словно он был ее подопечным.

– Поступайте, как вам угодно, ваша светлость. Но логика подсказывает, что вам надо посмотреть, как я общаюсь с ребенком, прежде чем прогнать меня.

Ребенок. Его подопечная.

Хьюго было крайне неприятно думать о чьем-либо благополучии, потому что он не заботился даже о себе. Сказать, что живущая в его доме девочка беспокоит его, значило не сказать ничего.

– Отличная идея, – пробормотал он. – Она будет ждать вас в большом зале. До дома осталось пять минут быстрой ходьбы.

– Вы шутите?

– Справедливо, – сказал он. – Десять минут ходьбы, поскольку ваши ноги короче моих.

– Ваше гостеприимство действительно вдохновляет, ваша светлость, – спокойно ответила она, выражение ее лица было равнодушным.

Ему это не понравилось.

Точно так же, как ему не нравился тот факт, что еще никому не удавалось так задеть его за живое.

– Это моя единственная цель, – ответил он.

С этими словами Хьюго развернул жеребца и ускакал, предоставляя проблемной мисс Элеонор Эндрюс шанс самой найти дорогу к его дому.

И к его подопечной.

Через пятнадцать минут Элеонора наконец подошла к парадному входу в особняк.

Ведущая к нему лестница была вымощена гладкими камнями, между которыми виднелись отцветшие растения. Приближалась зима.

Это казалось плохим предзнаменованием. Хотя Элеонора не позволяла себе верить в подобную глупость.

Чем ближе она подходила к дому, тем чаще задавалась вопросом, почему она согласилась работать гувернанткой. Неужели ей в самом деле необходимо изолировать себя в этом жутком старом поместье? Неужели деньги действительно стоят того, чтобы приехать в Йоркшир к мужчине, с которым она никогда не предполагала встретиться?

И почему, в конце концов, Виви не желает изменить собственную жизнь?

Но такие мысли заставили Элеонору чувствовать себя предательницей. Ей стало тошно. Виви едва не погибла в той ужасной аварии. А потом она долго боролась за выживание. Элеонора – единственная, кто не пострадал.

Иногда она чувствовала себя виноватой за это, словно яркий шрам красовался на ее собственном теле.

– Перестань жалеть себя, – бодро произнесла она. – Ты уже получила работу.

Она позвонила в красивый колокольчик, висящий у двери. Его звон был долгим, низким и глубоким. Элеоноре казалось, что она попала в Средневековье. Она почти ожидала, что дверь ей откроют рыцари в сияющих доспехах.

И все только потому, что она встретила хозяина этого дома. После их встречи у Элеоноры не на шутку разыгралось воображение. Не облегчило ситуацию и то, что он оказался намного привлекательнее, чем на фотографиях. Кроме того, он остроумный и язвительный. При одном воспоминании о нем у Элеоноры дрожат колени.

Несмотря на ожидания, дверь дома открыл не печально известный герцог Гровсмур, а ребенок. Элеонора уставилась в яркие голубые глаза своей будущей подопечной, которая недоверчиво смотрела на нее.

Перед ней была девочка с шелковистыми рыжими волосами, заплетенными в две косички, и очаровательными веснушками на носу. Элеонора затаила дыхание – девочка была копией своей покойной матери, Изабель Вандерхафен. Покойная женщина обладала лучезарной улыбкой и рыжими локонами и походила на натурщицу с полотен Тициана.

– Мне не нужна гувернантка, – сразу и категорично заявила девочка.

– Конечно нет, – согласилась Элеонора, и девочка удивленно моргнула. – Кому нужна гувернантка? Но тебе повезло, потому что у тебя она все-таки есть.

Маленькая девочка на секунду задумалась, потом выпятила нижнюю губу.

– Я Джеральдина. Но вы, наверное, знаете об этом.

– Конечно, я знаю твое имя, – оживленно произнесла Элеонора. – Я не смогла бы устроиться на работу, не зная имени своей воспитанницы, ведь верно?

Элеонора понимала, что этот ребенок будет держать ее на пороге дома до конца времен, если она сама ничего не предпримет. Поэтому она открыла дверь свободной рукой и прошла мимо Джеральдины, которая смотрела на нее с удивлением и любопытством.

– Обычно они командуют, пишут текстовые сообщения и воют со мной, – ответила девочка.

– Кто «они»? – Элеонора с трудом закрыла за собой тяжеленную дверь.

Джеральдина продолжала недоверчиво смотреть на нее.

Гровс-Хаус выглядел мрачным снаружи, но внутри казался наполненным светом. Элеонора не знала, что тому причиной: позолота на стенах, люстры, картины, элегантная мебель или остальные вещи, которыми обычно загромождаются

холлы домов богачей.

- Все знают мое имя, - сдержанно произнесла Джеральдина. - Иногда они орут на меня на всю деревню. Вы пятнадцатая гувернантка. Вы знаете об этом?

- Нет.

- Миссис Реддинг говорит, что я непослушная.

- А что думаешь ты? - спросила Элеонора. - Ты непослушная?

Джеральдина немного опешила от ее вопроса.

- Может быть.

- Значит, ты можешь измениться, если захочешь.

Элеонора смотрела на мятежное личико Джеральдины, но не видела в нем непослушания. Она увидела одинокую маленькую девочку, потерявшую своих родителей; эту девочку отправили жить в чужой дом.

Наклонившись к Джеральдине, Элеонора прошептала:

- Знаешь, не имеет значения, плохая ты или хорошая. Я уже могу сказать, что мы с тобой подружимся, а значит, так и будет. Друзья не меняют свое мнение друг о друге только потому, что между ними возникло небольшое недопонимание.

Джеральдина несколько раз удивленно моргнула. Элеонора начала расстегивать свой объемный пуховик.

- Она такая же непослушная, как любые другие дети, - слышался мужской голос. - Ей семь лет. Давайте не будем сажать ребенка в клетку так быстро, хорошо?

Элеоноре потребовалось время, чтобы найти Хьюго в головокружительно сверкающем и ярко освещенном фойе. Он вышел из комнаты в направлении парадной двери.

Элеонора мрачно подумала, что он не выглядит как герцог. С засунутыми в карманы джинсов руками он выглядел как предводитель шайки жуликов из американских трущоб. На нем была футболка с разрывами, подобные которой Элеонора видела в шикарных магазинах, предпочитаемых Виви. Хьюго не лгал о своем метаболизме. Перед Элеонорой был великолепный образчик мужской красоты.

С широкими плечами и узким торсом, он выглядел так, словно собирался участвовать в олимпийском марафоне. Его карие глаза имели оттенок виски, а темные волосы были взъерошены, словно он только что вылез из постели. Хьюго едва заметно усмехался.

Элеонора насторожилась.

– Ребенок уже в клетке, – не подумав, ответила она и быстро оглядела огромное фойе. – Но клетка довольно большая.

Хьюго остановился в нескольких футах от нее. Все трое неловко замерли перед большой входной дверью.

От его близости Элеонора чувствовала себя уязвимой и неуверенной. Она злобно посмотрела на него, словно это помогло бы ей успокоиться.

Она сказала себе, что покраснела только потому, что до сих пор не сняла пуховик. Ей просто жарко. И высокомерный Хьюго тут ни при чем.

Он посмотрел на Джеральдину:

– Ну?

Маленькая девочка только пожала плечами, выражение ее лица было угрюмым.

- Нет смысла нанимать эту женщину, как всех остальных, если позже ты будешь жаловаться. - Голос Хьюго смягчился.

- Прошу прощения, - сказала Элеонора. - Мы обсуждаем мое трудоустройство?

Хьюго лениво посмотрел на Элеонору.

- Да. - Он поднял темную бровь. - А вы нас подслушиваете.

Элеонора разжала стиснутые зубы, когда они заныли.

- Я подслушивала бы, если бы пряталась за цветочной композицией или старалась слиться с декором. - Она заставила себя улыбнуться, но это было непросто. - Поэтому ваше замечание крайне неуместно.

- Вам не кажется, что не следует швырять обвинения невинному ребенку? - лениво спросил Хьюго, и Элеонора подумала, что он ее дразнит.

Но зачем герцогу Гровсмур дразнить кого-либо? Особенно такую незначительную особу, как гувернантка, которую он, по-видимому, уже передумал нанимать.

- По-моему, мы все прекрасно понимаем, с кем я говорила. - Элеонора посмотрела на девочку и искренне ей улыбнулась: - Я не обижусь, если ты захочешь, чтобы я ушла, Джеральдина. И я не против того, чтобы ты сказала мне об этом в лицо. Но герцог совершенно сознательно ставит тебя в положение, в котором ты можешь поддаться его плохому настроению, а это несправедливо.

- Жизнь вообще несправедлива, - мрачно пробормотал Хьюго.

Элеонора пожалела, что не может легко игнорировать его.

- Ты даже можешь ничего мне не говорить, - сказала она Джеральдине. - Мы с тобой встретились пять минут назад. Я не против того, чтобы ты подумала подольше и уже потом приняла решение.

– Вы говорите так властно, – произнес Хьюго, – словно мы находимся в вашем доме, а не в моем. – Он огляделся, будто впервые увидел свое фойе. – Но нет, – продолжил он, как если бы кто-то спорил с ним. – Это тот самый зал, который я помню с детства, когда гувернантки гораздо строже вас не могли сделать меня порядочным человеком. Портреты моих унылых предков. Родословные. Повсюду одни Гровсмур. А значит, в этом доме главный я, а не вы, не так ли?

– Забавно, – холодно ответила Элеонора, как ни в чем не бывало выдержав пристальный взгляд Хьюго, словно несколько его не боялась. – В агентстве удивятся, узнав о том, что в этой ситуации Джеральдина не имеет право голоса.

– Вы так думаете? – Хьюго угрожающе растягивал слова.

Элеонора не знала, что он скажет в следующую минуту. Видя, как он смотрит на нее с вызовом, она затаила дыхание.

– Она мне нравится, – заявила Джеральдина. – Я хочу, чтобы она осталась.

Герцог не сводил глаз с Элеоноры.

– Твое желание для меня закон, моя любимая подопечная, – осторожно произнес он.

Элеоноре казалось, что ее опалило огнем. Она продолжала убеждать себя: ей жарко только из-за того, что она так и не сняла пуховик. Кроме того, Хьюго стоит к ней слишком близко. Он нависает над ней, словно опять сидит на коне.

Хьюго переступил с ноги на ногу и поднял руку. Внезапно в зале появились люди.

Джеральдину увели две кудахчущие няньки. Кто-то взял у Элеоноры сумку и чемодан. А потом к ней подошла очень аккуратно одетая пожилая женщина, которая натянуто ей улыбнулась.

– Миссис Реддинг, я полагаю, – сказала Элеонор, когда женщина к ней приблизилась.

– Мисс Эндрюс. – Женщина заговорила с ней прозаичным тоном, который Элеонора слышала во время их общения по телефону. – Пойдемте со мной.

Идя следом за миссис Реддинг, Элеонора поняла, что герцога нигде не видно. В суматохе он быстро ушел.

Элеонора решила, что может расслабиться.

– Прошу прощения за то, что никто не встретил вас на вокзале, – бесстрастно произнесла экономка. – Это был мой недосмотр.

Элеонора сомневалась, что эта женщина вообще когда-либо ошибается. А она первый день на работе, однако у нее сложилось отчетливое впечатление, что она уже раздражает своего работодателя.

– Я хорошо прогулялась, – ответила Элеонора, решив не жаловаться. – И осмотрела местность. Здесь довольно... интересно.

– Болота есть болота, – с подтекстом заметила экономка, и Элеонора наострила уши. – Остерегайтесь сильных ветров. Они такие пронизывающие, что вы можете легко простудиться.

– Я буду одеваться теплее, – ответила Элеонора.

Они шагали по лабиринту залов, не останавливаясь ни на мгновение. У Элеоноры не было времени, чтобы осмотреться. И она этому обрадовалась. Она боялась, что если остановится, то будет как загипнотизированная рассматривать все несколько дней.

Миссис Реддинг остановилась в дальнем конце коридора.

– Это ваши апартаменты, – произнесла она, махнув рукой на комнаты. – Надеюсь, они вам понравятся. Боюсь, они не такие просторные, как вы, возможно, ожидали. Прежние гувернантки жаловались на тесноту.

Элеоноре хотелось ответить, что она ожидала получить узкую кроватку в подвале. Там, где в прежние времена держали прислугу, но промолчала.

Апартаменты оказались впечатляющими. Квартира, в которой Элеонора жила с Виви, могла легко поместиться в углу большой комнаты. Элеонора не сразу поняла, что у нее есть собственная гостиная. Миссис Реддинг прошла в соседнюю комнату, к которой примыкала гардеробная для кучи одежды, которой у Элеоноры не было.

К спальне примыкала огромная ванная комната, показавшаяся неискушенной Элеоноре спа-центром. В спальне ей сразу бросилась в глаза массивная кровать с балдахином и резными деревянными стойками, словно созданная для королевы; здесь же был камин и диваны.

Приказав себе успокоиться, Элеонора безмятежно улыбнулась миссис Реддинг.

– Отличные апартаменты, – тихо сказала она, очень стараясь казаться сдержанной и профессиональной, а не перевозбужденной как ребенок, который попал в магазин сладостей.

После того как пожилая женщина оставила ее, изложив необходимые инструкции, Элеонора поняла, что стоит в центре спальни, не веря, что будет тут ночевать. Она чувствовала себя не на своем месте острее, чем во время разговора с высокомерным герцогом.

Глава 3

Хьюго не понимал, что на него нашло.

Он не знал, каким образом чудачке Элеоноре Эндрюс удалось задеть его за живое.

Хьюго твердил себе, что ему надо увидеть ее без пуховика, иначе он не уснет. Но Элеонора ушла из фойе в пуховике, и Хьюго ничего не оставалось, кроме как отправиться к себе. А вот теперь он торчит тут...

– Я не ожидала увидеть вас здесь, ваша светлость, – сказала миссис Реддинг, выходя из детской.

Вероятно, она удивилась, застав Хьюго за рассматриванием довольно ужасающих картин, которые он помнил с детства.

– Не понимаю, почему нет, миссис Реддинг. – Хьюго продолжал изучать странные картины. – Я в своем доме. Я рано или поздно пришел бы сюда.

– В крыло, где живет ребенок? Вряд ли. – Пожилой женщине не удалось скрыть свои эмоции. – И все же вы здесь.

Хьюго повернулся, слегка улыбаясь миссис Реддинг, и увидел у нее за спиной Элеонору.

И мгновенно понял, что совершил ужасную, непростительную ошибку.

У Элеоноры была божественно красивая фигура. пышные бедра, полная грудь и тонкая талия, к которой ему захотелось немедленно прикоснуться. На Элеоноре была темная блузка строгого стиля, брюки и кардиган. Она походила на кинозвезду прошлых лет.

Хьюго знал, что ему необходимо образумиться. Сейчас же.

Ему надо уйти. Элеонора хмуро смотрела на него из-под своей челки, стоя за спиной миссис Реддинг. Тысячи других женщин, пришедших в его дом, уже пытались бы его соблазнить. Они бы жеманничали и хихикали. Они бы строили ему глазки и оделись бы так, чтобы привлечь его внимание. Элеонора Эндрюс, наоборот, воспринимала Хьюго как нечто недостойное ее внимания и неодобрительно хмурилась, глядя на него.

– Я сам покажу мисс Эндрюс остальную часть дома, – внезапно произнес Хьюго.

И тут же задался вопросом, уж не отразились ли на его лице порочные помыслы, потому что обе женщины застыли, изумленно уставившись на него. Но Хьюго было наплевать. Он владеет половиной Англии, не так ли? И может делать все, что ему захочется.

– Вам понятно? – тихо спросил он.

Миссис Реддинг тихо фыркнула, но в следующую секунду ушла, потому что отлично знала свое место. А Хьюго остался там, где он не должен быть находиться ни при каких обстоятельствах. Рядом с красавицей Элеонорой.

Итак, последняя гувернантка его подопечной заставила его чувствовать себя одуревшим от страсти подростком.

– Как замечательно, что вы нашли время в своем плотном графике, чтобы приветствовать вашу смиренную служанку, ваша светлость, – сказала Элеонора, когда шаги миссис Реддинг затихли.

Джеральдина ужинала в комнате в противоположном конце коридора и, как обычно, дерзила своим нянькам.

– Насколько я предполагаю, у вас есть срочные дела, которые требуют вашего внимания, – добавила она.

– У меня всегда куча дел, – весело произнес Хьюго. – Но я все равно здесь и готов услужить вам как радушный хозяин.

Холодно улыбнувшись, Элеонора сухо ответила:

– Но я просто прислуга, ваша светлость.

– Уверен, что слышу явную критику моего гостеприимства. Вам не дает покоя наш спор о том, воришка вы или нет?

– На самом деле мы с вами не спорили на эту тему.

– И все же я хотел услышать ответы на многие вопросы, – сказал он. – К тому же, мне невдомек, зачем вы устроили представление в моем фойе.

Элеонора сильнее нахмурилась.

– «Представление?»

Хьюго выжидающе поднял брови.

– Ваша светлость, – резче обычного произнесла она.

Хьюго изо всех сил пытался думать только о Джеральдине. Но чем больше он будет думать о девочке, о которой должен заботиться, тем вероятнее начнет размышлять о ее матери.

А чем меньше он думает об Изабель, тем лучше.

Потому что размышления об Изабель и о том ущербе, который она ему причинила, несмотря на то что мертва, только сильнее злили Хьюго.

Ну, не то чтобы злили.

Хьюго Гровсмур не привык сердиться. Злятся люди, у которых есть эмоции, а всем уже давно известно, что он абсолютно бесчувственный. Об этом упоминалось в каждой статье о нем.

– Не знаю, как еще это назвать. – Он прищурился. – Может, объясните мне, зачем вы дали маленькой девочке ложную надежду?

– Джеральдина – замечательный ребенок, – чопорно сказала Элеонора, и Хьюго стало вдруг неловко.

От мучительного желания прикоснуться к ней у него чесались руки.

– Она кажется одинокой и немного потерянной, по правде говоря.

Элеонора говорила откровенно и решительно, пристально глядя на него, и он испытал странные ощущения, которые ему не понравились.

– Я с нетерпением жду шанса помочь ей... в некотором роде. Если, конечно, мне позволят это сделать.

– По-вашему, я помешаю вам делать работу, на которую я вас нанял? У вас странные представления о жизни, мисс Эндрюс. Довольно причудливые, как мне кажется. Вы действительно уверены, что подходите в гувернантки маленькой девочке, которую вы считаете потерянной и одинокой?

Непонятная для Хьюго женщина по имени Элеонора пожала плечами, словно это было не важно.

– Хороша я или плоха, но я здесь единственная гувернантка, – сказала она.

– Это обстоятельство может измениться в одно мгновение. По моей прихоти.

Элеонора снова пожала плечами.

– Я не могу помочь вам контролировать свои прихоти, ваша светлость. Поэтому разумнее всего надеяться на лучшее, я думаю.

– Вы заявили уязвимому ребенку, что подружитесь с ней, даже не узнав, нравитесь ли вы ей. – Хьюго покачал головой. – Большинство женщин на вашем месте заигрывают со мной, мисс Эндрюс. Они, как правило, игнорируют девочку.

Элеонора стояла перед ним в довольно унылом наряде, но Хьюго все равно считал ее самой привлекательной женщиной, какую он когда-либо знал.

– Ну, кто-то же должен обратить внимание на бедняжку, – деловито произнесла строптивая гувернантка. – Ей явно не хватает общения.

Элеонора по-прежнему оглядывала его так, будто он представлял собой вещь сомнительного качества. Хьюго отлично знал этот взгляд. Он достаивался его от друзей, членов семьи и некоторых незнакомцев на улице. Он давно привык к тому, что на него смотрят недружелюбно.

Но по какой-то причине взгляд Элеоноры ему не понравился. Она словно осуждала его, отчего ему стало не по себе.

– Почему вы хотите получить эту работу?

Хьюго не понимал, зачем задает такой вопрос, уже зная ответ. Женщины стремились получить должность гувернантки в его доме по двум причинам. Они хотели либо забраться к нему в постель, либо хорошо заработать. Элеонору явно интересовали только деньги.

– Почему я хочу получить эту работу? – переспросила она ледяным тоном. – До меня на этой должности побывало четырнадцать женщин. Очевидно, это очень востребованная должность.

– Это не ответ. А я отлично вижу, когда собеседник старается уклониться от ответа. – Хьюго улыбнулся, сверкнув белоснежными зубами. – Я не просто красавчик, мисс Эндрюс.

Если это возможно, она сильнее нахмурилась.

– Я окончательно сбита с толку, – произнесла она. – Теперь, после того, как я переехала в этот дом и уже познакомилась со своей воспитанницей, вы решили провести личное собеседование?

– Почему бы нет?

– По-моему, поздновато. Не так ли?

– А я думаю, если только я не очень ошибаюсь, что я ваш работодатель. Или мне только чудится, что я герцог Гровсмур?

Хьюго сам не понял, когда приблизился к ней. Возможно, она сама шагнула в его сторону. Но теперь они уже не стояли друг напротив друга по разные стороны широкого коридора. Они находились в его центре.

Они были слишком близко друг к другу, и голова Хьюго уже шла кругом. Чем ближе он подходил к Элеоноре, тем больше ею очаровывался. Она все сильнее интриговала его.

У нее была восхитительная фигура. Она словно нарочно привлекала внимание Хьюго к своим прелестям, упершись руками в бока.

– Не знаю, что вам чудится, – сказала Элеонора тоном, который лишь с большой натяжкой можно было считать вежливым. – Но если вы не герцог Гровсмур, то вы, безусловно, славно потрудились, стараясь походить на него.

Элеонора отличалась от всех женщин, которых Хьюго когда-либо знал. Она стояла напротив него, совершенно не впечатленная ни его внешностью, ни титулом, нисколько не боясь его. Она смотрела на него своими прекрасными карими глазами отнюдь не кокетливо. Она воинственно выпятила подбородок и высокомерно пялилась на него из-под слишком ровной челки. Он подумал, что она точно так же смотрит на своих воспитанников; и ей было безразлично то, что она намного меньше его ростом.

И вдруг Хьюго понял, что ему не нравится ее ненависть. Он привык к тому, что его подозревают в темных чувствах, привык к порочащим слухам и обвинениям. Но он не привык к демонстративному неповиновению. Особенно от гувернантки. Хотя он всегда считал себя очень современным человеком, он вдруг захотел воспользоваться своими привилегиями и потребовать от Элеоноры уважения в герцогу Гровсмур.

Но дело не только в этом. Он не желал уничтожить ее. Правда заключалась в том, что эта женщина пробудила в нем страсть.

Хьюго так сильно хотел овладеть ею, что с трудом обуздал эмоции.

– Я предлагаю вам, мисс Эндрюс, – сказал он очень осторожно и серьезно, стараясь не распускать руки, – вспомнить, кто из нас герцог, а кто гувернантка.

Элеонора и глазом не моргнула.

– Я вряд ли это скоро забуду, – не задумываясь, ответила она, по-прежнему воинственно глядя на него. – Мне говорили, что я почти не буду общаться с хозяином этого дома, ваша светлость. Об этом мне четко заявили во время собеседования.

– Большинство инициативных женщин, которые претендуют на должность гувернантки, хотят меня видеть, мисс Эндрюс. Вы должны понимать, что это основная причина их горячего желания украсить залы моего дома своим присутствием. И главная причина их быстрого увольнения.

Элеонора слегка наклонила голову.

- А что они сделали для того, чтобы их уволили? - спросила она.

- Догадайтесь сами.

- Вы гонялись за ними по поместью, сидя верхом на огромной лошади?

Хьюго чуть не рассмеялся. И, возможно, именно это удивило его сильнее всего.

- Я снова спрашиваю, почему вы хотите получить эту работу? Потому что вы, как мне кажется, не понимаете правил, которым должны подчиняться женщины вашего положения. У вас нет ни малейшего чувства субординации, а также самосохранения.

- Прошу прощения, ваша светлость, - произнесла Элеонора таким бодрым тоном, как будто она считала, что руководит Хьюго. Словно он и Джеральдина были ее воспитанниками, и Хьюго сегодня сильно расшалился. - Я просто хотела бы приступить к работе. В зале неподалеку отсюда маленькая девочка пьет чай. Было бы неплохо познакомиться с ней поближе до того, как начнутся наши занятия. Если вы не возражаете.

- Я босс, мисс Эндрюс, - процедил он сквозь стиснутые зубы. - Вы моя подчиненная. Вы разговариваете со мной неуважительно и ведете себя неразумно. Почему вы пытаетесь противодействовать человеку, который невероятно щедро платит вам?

Хьюго захотелось поцеловать тонкую морщинку между ее нахмуренными бровями.

- На самом деле вы заплатите мне только через две недели, - помолчав, ответила Элеонора, словно не могла промолчать.

- Верное замечание, - пробормотал Хьюго.

А потом, только потому, что он обожал усложнять любую ситуацию, он поцеловал Элеонору.

Они стояли так близко друг к другу, что он не сдержался. Коснувшись ладонью шелковистой кожи ее щеки, он припал к ее пухлым губам.

И сразу понял, что очень рискует. Потому что губы Элеоноры оказались сладкими, как нектар.

Глава 4

Элеонора не понимала, что происходит.

Ненавистный ей герцог Гровсмур целовал ее. Хуже того, ей нравились его поцелуи. Очень нравились.

Это напоминало пожар. Или взрыв. И только благодаря тому, что он крепко прижимал ее к себе, она не потеряла сознание.

То, что Элеонора знала о поцелуях, можно было выразить в двух коротких словах – почти ничего. Но единственный неуклюжий поцелуй с подростком на школьной дискотеке не имел ничего общего с поцелуем Хьюго.

Он целовал ее решительно и неторопливо. Он пробовал ее губы на вкус, словно собирался делать это несколько часов. Возможно, дней. Казалось, он никуда не торопится, а по-настоящему наслаждается.

Элеонора задрожала.

И она не знала, что было хуже: его губы, пробуждающие в ней чувственные ощущения, или тепло его руки, которая прикасалась к ее лицу.

Элеонора не понимала, как случилось, что она оказалась стоящей так близко к Хьюго. Она несколько раз приказывала себе держать с ним дистанцию, потому

что ничего хорошего от их близости получиться не могло. Не надо было торчать посреди коридора, упираясь руками в бока, и вести себя так, словно она говорит не с герцогом, а с обычным человеком. Элеонора не имела ни малейшего представления, что на нее нашло. Происходящее походило на одержимость. Словно ее тело захватил несговорчивый, своенравный, болтливый призрак, который заставлял ее действовать против ее воли.

До нее не сразу дошло, что Хьюго готов на все, чтобы получить желаемое. То, чего он хотел. Особенно если это вредно и предосудительно. Как Элеонора могла позволить себе забыть об этом? Осознавая, что его поцелуй кажется приятным откровением, она застыдилась.

Элеонора толкнула его в грудь, но Хьюго и бровью не повел. Казалось, он сделан из железа. Более того, его тело было слишком разгоряченным, и у Элеоноры не было никакого желания прерывать их телесный контакт.

Но она должна образумиться.

Хьюго неторопливо поднял голову. Его глаза цвета виски блестели, когда он посмотрел на нее сверху вниз. На Элеонору нахлынул такой поток ощущений, что она едва удержалась на ногах. Она должна быть сильной. Она должна помнить о Виви.

– Из-за этого четырнадцать предыдущих гувернанток были уволены? – спросила Элеонора и в ужасе услышала, что ее голос дрожит. – Это проверка? – Она с трудом сглотнула. – Джеральдина находится совсем рядом.

Что-то мелькнуло в его карих глазах, но он опустил руку. И Элеонора решила, что испытала облегчение. Триумф. Но она не могла избавиться от ощущения потери.

Ей казалось, что он целовал ее повсюду, но это было бессмысленно. Внизу ее живота разлилось тепло, ее грудь напряглась и отяжелела. На ее глаза навернулись слезы, и она поняла, что это не из-за простого разочарования.

– Больше всего мне нравится подтверждать худшие опасения, которые я вызываю у людей, – насмешливо и резко сказал Хьюго. – Вы не считаете меня интересным, мисс Эндрюс? Может ли быть что-нибудь восхитительнее, если я

окажусь таким, каким вы меня себе представляли? Развратный и равнодушный, а также ужасно избалованный.

Элеоноре стало не по себе, когда она услышала, с какой горечью, почти отчаянием говорит Хьюго. Но она отмахнулась от нежелательного сострадания, потому что не должна была жалеть его. Она не из тех женщин, которых мужчины целуют во время спонтанных всплесков страсти. Она обязана думать о Виви. Сестра навсегда заставила Элеонору забыть о мужском внимании. У такого человека, как Хьюго, нет никаких оснований сблизиться с ней. Если только поцелуи с почти незнакомыми женщинами не были для него чем-то само собой разумеющимся, как утверждали таблоиды. Возможно, он просто захотел над ней подшутить.

Элеонора ни разу не слышала, что можно над кем-то подшучивать при помощи поцелуев, но у нее слишком мало опыта в подобных вещах. Она всю свою жизнь работала, а не общалась с мужчинами, и уж тем более никогда не вызывала у них повышенного интереса.

– Полагаю, будет лучше, если мы притворимся, что этого никогда не происходило, – как можно спокойнее произнесла она и обрадовалась тому, что ее голос больше не дрожит.

Хьюго высокомерно оглядел ее. Его надменность не убавила даже простая одежда. Почему Элеонора не заметила этого раньше?

– Вам будет трудно продать свою непристойную историю таблоидам, – холодно заявил Хьюго.

– Я не желаю этого делать и не сделаю, – как можно мягче произнесла Элеонора и выпрямила спину. – Я подписала контракт и дополнение о неразглашении, ваша светлость. Вы, конечно же, знаете об этом.

– Согласно условиям этого дополнения штраф в случае разглашения составит определенное количество фунтов стерлингов. Если таблоиды предложат, скажем, в два раза больше, можно расторгнуть со мной контракт. На это согласится немало людей.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://telnovel.me/keytlin-kryus/stroptivyy-romantik>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)